

Рецепт как жанр сатиры:
из истории малой прозы XVIII века

© Л. А. ТРАХТЕНБЕРГ,
кандидат филологических наук

Сатирический рецепт – один из жанров малой прозы XVIII века. В работе рассматривается композиция сатирических рецептов, их метафорическая структура и концептуальные установки.

Ключевые слова: малая проза XVIII века, сатира, жанры, метафора, композиция.

The satirical recipe is one of the many 18th-century short prose genres. The paper deals with the composition of satirical recipes, their metaphoric structure and conceptual attitudes.

Key words: 18th-century short prose, satire, genres, metaphor, composition.

Малая сатирическая проза XVIII века – своеобразная эстетическая система, характерная черта которой – многообразие жанров, в том числе пародийных (см.: [1; 2; 3]). Среди них письма от лица вымыш-

ленных персонажей, пародийные ведомости, то есть газетные известия, похвальные речи, дневники, словари и т. д. Один из таких жанров – пародийные рецепты. Наиболее известны среди них «Рецепты» в журнале Н. И. Новикова «Трутень», однако жанр представлен и другими образцами в изданиях, современных «Трутню» и более поздних.

Жанр пародийного рецепта знаком русской литературе еще на рубеже XVII–XVIII веков. Этим временем датируется «Лечебник на иноземцев», один из памятников ранней русской пародии, наряду со «Службой кабаку», «Калязинской челобитной», «Росписью о приданом» и др. В композиционном отношении он воспроизводит структуру подлинных рецептов из современных ему русских лечебников. Сходным образом построены рецепты в «Трутне» и в других журналах XVIII века, например в «Сатирическом вестнике» Н. И. Стрхова; это сходство отмечают В. П. Адрианова-Перетц [4. С. 245–246] и Л. В. Крестова [5. С. 489–490]. Вместе с тем функции, которые выполняет в этих случаях пародийная форма, различны. «Лечебник на иноземцев», несомненно, производит комический эффект, однако лишен сатирической направленности (см.: [6. С. 359]). Здесь иррациональный контраст устойчивых форм, закрепленных жанром лечебника, и чуждых им предметов: «Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников» [7. С. 121], выводя за границы привычного языкового обихода, становится источником эстетического впечатления. В «Рецептах» Н. И. Новикова, напротив, метафоры рационально объяснимы, а сатирическая задача очевидна.

В основе «Рецептов» журнала «Трутень» – **концептуальная метафора нравственности как здоровья**. Уподобляя состояние человеческой души состоянию тела, эта метафора описывает порок и заблуждение как болезнь, исправление – как излечение; соответственно, нравственный урок осмысливается как рецепт. Эта метафора характерна и для других произведений Н. И. Новикова, не только в жанре сатирического рецепта. Например, в сатирических «Ведомостях», помещенных в «Трутне» за три месяца до «Рецептов», говорится о судье, который «заразился известною под именем акциденции болезнию» [8. С. 71] (*акциденция* – взятка). К жанру «Ведомостей» Новиков обращается и в журнале «Живописец»; там болезни в буквальном смысле – чуме (имеется в виду эпидемия 1770–1772 годов) уподобляется болезнь в метафорическом понимании – пристрастие ко всему иностранному [9. С. 44–45].

К подобным метафорам часто прибегает и «Всякая всячина» – первый среди русских сатирических журналов, вышедших в 1769 году. Важнейший прием в нем – диалог читателей и издателя, принимающий форму писем в журнал и ответов на них (вероятно, все это – литературная фикция). Советы, о которых просят «Всякую всячину» читатели,

иногда метафорически описываются в тексте в качестве рецептов [10. С. 14–16, 29–32, 46, 130–131 и др.]. «Всякая всячина» обращается к медицинской метафорике даже раньше, чем «Трутень». Однако пародийный рецепт как жанровая форма отдельной статьи для этого журнала нехарактерен. Примеры медицинской метафоры без пародирования рецепта как жанра есть также в журналах «Смесь» [11. С. 171–172] и «Ни то ни сё» [12. С. 157–159]. То же метафорическое движение мысли характерно для «Изъятия из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств» – цикла пародийных рецептов, помещенных в журнале «Сатирический вестник» [13. Ч. II. С. 100–112].

Но метафорическая модель может быть и иной. Вариативны оба ее элемента. С одной стороны, образцом для пародийного рецепта становится не только рецепт медицинский. Например, медицинскую метафору не актуализирует «Извлечение из модной энциклопедии предписаний по нововыдуманному способу удобно, скоро и вовсе не учась сочинять разного рода творения» – еще один пародийный цикл в «Сатирическом вестнике» [13. Ч. VII. С. 62–74]. С другой стороны, содержание статьи может сводиться не к сатире на порок, а к утверждению добродетели. Таков, например, «Рецепт, побуждающий к благотворению» [14. С. 6–7], помещенный в журнале «Утренние часы». В нем рассказывается о докторе, который «предписывал своим больным (...) действия *благодаяния*, на место всех лекарств: крепительных, слабительных, рвотных, предохранительных и усыпляющих». Здесь моральное благо связывается с телесным здоровьем не только метафорически, но и буквально.

Наконец, слово *рецепт* может быть использовано и в названии произведения непародийного, не опирающегося на структуру подлинных рецептов. Таков стихотворный «Рецепт от глупости», опубликованный в журнале «Беседующий гражданин» в составе цикла стихотворных надписей [15. С. 295].

Пародийный рецепт часто характеризуется **кумулятивной структурой**. Он принимает форму списка ингредиентов, из которых можно составить «средство» от «болезни». Примером может служить «Лекарство от сильной склонности к насмешкам» из «Сатирического вестника». Людям, страдающим этим «недугом», рекомендуется «давать каждое утро по стакану здравого смысла, смешав с оным 7 унций скромности, 4 лота осторожности, хорошего и приятного обхождения от 8 до 10 золотников, смотря по силе болезни» [13. Ч. II. С. 102].

Другой тип кумулятивной композиции – последовательность действий. Таков, например, «Способ искусно выкрасть сочинение и выпустить оное в свет под именем своего собственного», помещенный в другой части «Сатирического вестника»: «Возьми какого-нибудь хорошего автора, прочти его кое-как, потом выпиши на разные лоскуточки те мнения, которые тебе в нем полюбятся. Таким образом поступи с пятью

или шестью писателями и продолжай сие до тех пор, пока на сию об-
кражу не изведешь 8 дестей бумаги. После сего все сии лоскуточки
собравши вместе, перемешай сильнее, потом выбирай оные наудачу,
вписывай мнения в тетрадь, дай оной какое-нибудь название, подпиши
свое имя, отвези в типографию и вели печатать» [13. Ч. VII. С. 62–63].

Кумулятивный принцип может быть реализован и в характеристике персонажа, которому предназначается рецепт, как, например, в следующем фрагменте статьи «Лекарство для одержимых любовью» из «Сатирического вестника»: «Главнейшие признаки любовной болезни суть: притупление и ослабление рассудка, томность в глазах, вздорные разговоры, пустые слова, трагические объяснения, элегические выражения, драматические приступы, умильное шемпание, жалостное и отчаянное лицо, теснота в груди и вырывающиеся из оной вздохи» [13. Ч. II. С. 103–104]. Ряд отсылок к литературным жанрам, для которых характерна любовная тема, – трагедии, элегии, драме – должен подчеркнуть наигранность любовного чувства, над которой смеется сатирик. В статье создается образ волокиты; волокитство, противопоставляемое подлинной любви, для литературы XVIII века одна из традиционных сатирических тем.

Иногда, впрочем, рецепт сводится к одному средству, как, например, в том же «Сатирическом вестнике» в статье «Лекарство от лихоимства»: «Инфлямацию корыстолюбия весьма способно излечивать, поднося почаству близко к глазам повеления об отрешении от дел за взятки» [13. Ч. II. С. 101].

Кумулятивный принцип реализуется не только внутри пародийного рецепта. Это один из тех малых сатирических жанров (наряду с сатирическими портретами, пародийными ведомостями, словарями), для которых характерна тенденция к циклизации. И в «Трутне», и в «Сатирическом вестнике» пародийные рецепты образуют ряды, причем рецепты, помещенные в разных номерах этих журналов, различаются по композиционным и семантическим признакам. В «Трутне» пародийные рецепты помещены в №№ 23, 24, 26, 27 и 31. Многие рецепты в этом журнале состоят из двух частей: в одной описываются «симптомы болезни» – создается сатирический тип, в другой следует собственно рецепт, указывающий путь исправления; иногда описательная и рекомендательная части не разделены. В №№ 23, 24, 26, 31 рекомендации следуют непосредственно за описательной частью или не отделяются от нее, а в № 27 сначала следует ряд сатирических типов, а затем – рецепты для каждого из персонажей. В «Сатирическом вестнике» один цикл рецептов, помещенный во II части, основан на медицинской метафоре, а другой, в части VII, – нет.

Различия между пародийными рецептами не только композиционные, но и семантические: они реализуют разные модели метафорического

переосмысления ситуации. Часто метафорика *рецепта, болезни и лечения* дополняется метафорическим представлением нравственных качеств и поступков как веществ. Этот принцип реализован, например, в цитированной выше статье «Лекарство от сильной склонности к насмешкам» из «Сатирического вестника». Редко медицинская метафора дополняется магической. Например, в «Трутне» персонажу по имени *Простосерд*, который «недомогает болезнью, именуемую *слепая доверенность*», рекомендуется «на всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца с ним говорящих людей» [8. С. 185–186]. Но во многих случаях рекомендации не носят метафорического характера, как, например, в рецепте «Для некоторого судьи» из «Трутня»: «Старайся знать потребные для твоего знания науки (...) Человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть путеводителями твоего сердца» и т. д. [8. С. 181]. Возможно и контекстуальное сближение автологических и металогических элементов, усиливающее комический эффект: «Для разбития же сгустившихся мокрот дурачества, вместо электрической машины, употреблять для маленьких мальчиков весенние розги, а для взрослых стыд и увещание» [13. Ч. II. С. 102–103]. И в «Трутне», и в «Сатирическом вестнике» рецепты, использующие метафору вещества и не использующие ее, объединяются в рамках одного цикла, что позволяет избежать однообразия.

Жанр рецепта **метафорически мотивирует дидактическое высказывание**, формально обращенное к персонажу, но по существу – к читателю. Он позволяет не ограничиваться описанием пороков и заблуждений, но прямо предлагать пути их исправления. Такая установка характеризует «Рецепты» Н. И. Новикова. Сатирический элемент может редуцироваться, уступая место дидактическому, как в «Рецепте, побуждающем к благотворению». Но в пародийном рецепте могут даваться и **иронические рекомендации**: таков, например, приведенный выше «Способ искусно выкрасть сочинение...» из журнала Н. И. Стрехова.

Разные семантические типы пародийных рецептов могут быть объединены в рамках одного цикла. Именно так построен цикл «Изъятие из нравственного лечебника некоторых редких и полезных лекарств» в «Сатирическом вестнике». Он открывается четырьмя дидактическими рецептами, где порок представлен как болезнь, а исправление – как лечение: «Лекарство от лихоимства», «Лекарство от сильной склонности к насмешкам», «Лекарство для одержимых любовью», «Диета для проигравшихся». Пятый рецепт иронический: «Лекарство от старости и прочих недостатков девиц» – гиперболическое описание разного рода средств для лица и деталей одежды, скрывающих недостатки фигуры (приукрашивание женской внешности – в литературе XVIII века тоже сатирическая тема). Последние три рецепта: «Слабительное для ученых людей», «Рвотное» и «Головной лом утоляющее лекарство» – обращены

к литературным темам. Болезнь выступает как метафора эстетического несовершенства и бессодержательности: в качестве лекарств указываются, например, «8 листов Бовы Королевича» [13. Ч. II. С. 110] – лубочного романа, наиболее известного образца «массовой литературы» своей эпохи (см. о нем: [16]), осуждавшегося как несерьезное чтение, недостойное образованных людей [17], и «разных высокопарных, бессмысленных и вздорных сочинений от 30 до 35 листов» [13. Ч. II. С. 111–112].

Дидактический и иронический принципы могут быть реализованы в одном тексте. Таков «Рецепт для составления истинного дружества», помещенный в журнале «Что-нибудь» [18. С. 5–7]. Как нам удалось установить, это перевод: текст в основном совпадает со статьей «Ancient and Modern Friendship», опубликованной в известном лондонском журнале середины XVIII века «The Museum, or the Literary and Historical Register» [19. P. 128] (об этом журнале см.: [20]). Статья состоит из двух частей, связанных антитезой. Подлинной дружбе, известной в прошлом – в Древнем Риме, в ней противопоставляется дружба мнимая, какой она стала сегодня; метафора рецепта объединяет их контрастные свойства. Если *Римское дружество* – «лекарство, способствовавшее к уврачеванию всяких сердечных болезней» – составляли «союз душ, один прекрасной цвет, произраставший тогда во многих местах империи, искренность, щедрость, бескорыстность, жалость и нежность», то теперь «подделывают его, полагая вместо цветов союза душ – наружные уверения, одну не годную траву, растущую повсюду в великом изобилии, вместо же других вещей добрую меру желания угождений и по несколько горстей благопристойности и осторожности, правда что примешивается в оное иногда понемногу жалости и нежности; но другие уверяют, что можно легко обойтись и без них» [18. С. 5–6].

Дидактическая функция объединяет пародийный рецепт с другими жанрами сатирической прозы. Специфична для него та концептуальная модель, в которой эта функция реализована. Это модель, во-первых, **прагматическая**: рецепт формулируется как руководство к действию; дидактическая установка, в целом характерная для сатиры, проявляется в данном случае не только в отрицании недолжного поведения, но главным образом в требовании должного. Это модель, во-вторых, **механистическая**: и нравственную цель – исправление порока или утверждение в добродетели, и средства ее достижения она представляет предельно просто. Непрерывность замещается дискретностью: предмет описания разделяется на элементарные составные части. Описание порока (в сатирическом рецепте это, впрочем, необязательный элемент) может быть сведено к перечню его проявлений, например: «госпожа *Непоседова* больна припадком ездить из дома в дом беспрестанно; переносить вести, ссорить друзей, супругов и всех, кого случится» [8.

С. 209–210]. Рекомендация этому персонажу кратка: «Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономией» [8. С. 214].

Иногда рекомендация принимает форму перечня предписаний, который может быть метафорически представлен в виде списка «ингредиентов» для «лекарства», как, например, совет «Для г. Злорада» из того же цикла: «Чувствований истинного человечества 3 лота; любви к ближнему 2 золотника и соболезнавания к несчастью рабов 3 золотн., положи вместе, истолочь и давать больному в теплой воде» [8. С. 215]. Задача исправления представляется как ряд шагов, простых для понимания и – кажется – для исполнения. Пессимизм в «Рецептах» «Трутная» редок, лишь немногие заблуждения признаются неустрашимыми. Внешняя ясность, простота изложения в этом жанре должна убедить читателя в достижимости поставленной цели.

В тех же случаях, когда рекомендации пародийных рецептов носят иронический характер, композиционная простота, предполагаемая этой формой, приобретает иное значение. Когда Н. И. Страхов представляет в виде следования рецептам литературное и философское творчество, предлагая «Способ сочинить роман», «Способ сочинить поэму в древнем вкусе» или «Средство сочинять новую систему» [13. Ч. VII. С. 63–65, 67–69, 69–70], простота задачи оказывается недостатком, превращая творчество в ремесло. Сводя творчество к схеме, форма пародийного рецепта, примененная в полемических целях, демонстрирует автоматизацию описываемых жанров (см.: [21]). К эстетическим претензиям присоединяются этические, что заметно, например, в последней статье цикла – «Для людей, торгующих своими умопроизведениями, способ сочинять на скорую руку похвальные оды». За пародийным перечислением общих мест одического жанра следует обвинение в продажности: «Возьми 25 о ты! потом восхваляемого тобою героя приподними к облакам, после сего спустись с ним на горы; проведи его в долины, прокати его сквозь леса, преплыви с ним моря и реки <...> посади его на седалище почести, вручи ему оду, возьми с деньгами кошелек и оставь его в покое» [13. Ч. VII. С. 73–74]. Не сразу заметное читателю переключение из одного референциального плана в другой (вначале «герой» выступает как образ создаваемого поэтом произведения – оды, а затем – как адресат, которому уже написанное произведение следует поднести) дополняет комическое впечатление. Претензии Н. И. Стрхова к современным одам сходны с теми, которые вскоре выскажет И. И. Дмитриев в сатире «Чужой толк». Впрочем, критика одического жанра начинается раньше, еще в конце 1760-х – начале 1770-х годов [22. С. 75–85]; в частности, в журнале «Вечера» в 1772 году опубликована «сказка» М. М. Хераскова «Неудача стихотворца» [23. С. 77–79], травестирующая сюжет басни Фэдра о Симониде (см.: [24. С. 416]), где высмеивается бесталаный поэт, пишущий оду за деньги (см.: [25. С. 29]).

Таким образом, жанровые признаки пародийного рецепта – прагматическая доминанта и схематизм композиции – не только конструктивно, но и концептуально значимы. Форма рецепта, выступая как дидактический прием, позволяет поставить перед читателем ясную цель. Аналитически разделяя предмет описания, рецепт изображает сложное как простое, тем самым представляя цель достижимой. Все это усиливает дидактическое воздействие выраженной в тексте идеи. Но в тех случаях, когда пародийный рецепт из приема сатиры на нравы превращается в орудие эстетической полемики, те же особенности его структуры меняют функцию, демонстрируя автоматизм критически изображаемых литературных форм.

Литература

1. *Пухов В.В.* Жанры русской сатирической прозы II половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
2. *Привалова М.И.* Из истории «малых форм» сатиры в русской журналистике XVIII–XIX вв. // *Русская журналистика XVIII–XIX вв.* (из истории жанров). Л., 1969.
3. *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985.
4. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. – Л., 1937.
5. *Крестова Л.В.* Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н.И. Новикова («Трутень», «Живописец») // *Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР.* Т. XIV. М. – Л., 1958.
6. *Панченко А.М.* Литература «переходного века» // *История русской литературы.* В 4 т. Л., 1980. Т. 1.
7. *Русская демократическая сатира XVII века / Подг. текстов, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц.* М. – Л., 1954.
8. Трутень, еженедельное издание, на 1769 год. СПб.
9. Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. [Ч. I]. СПб.
10. Всякая всячина. [СПб., 1769].
11. Смесь, новое еженедельное издание. [СПб., 1769].
12. Ни то ни сё в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. [СПб.]
13. [*Страхов Н.И.*] Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, шеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, незнаемым сочинителем. М., 1790–1792. Ч. I–IX.
14. Утренние часы. Еженедельное издание. СПб., 1788. Ч. III.

15. Беседующий гражданин. СПб., 1789. Ч. III.
16. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964.
17. Серман И.З. Бова и русская литература // *Серман И.З.* Свободные размышления: воспоминания, статьи. М., 2013.
18. Что-нибудь. Еженедельное издание с мая по ноябрь 1780 года. 2-е изд. СПб., 1782.
19. The Museum, or the Literary and Historical Register. 1746. No. XVII.
20. Tierney J.E. The Museum, the «Super-Excellent Magazine» // *Studies in English Literature, 1500–1900.* 1973. Vol. 13. No. 3. Restoration and Eighteenth Century.
21. Шкловский В.Б. Искусство как прием // *Поэтика: Сборники по теории поэтического языка.* I–II. Петроград, 1919.
22. Ивинский А.Д. Державин и русская журналистика 1760–1780-х годов: к вопросу о статусе торжественной оды // Г.Р. Державин и его эпоха. М., 2013.
23. Вечера, еженедельное издание на 1772 год. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. I.
24. Гаспаров М.Л. Строение эпиникия // *Гаспаров М.Л.* Избр. тр. В 3 т. О поэтах. М., 1997. Т. I.
25. Гришакова М. Литературная позиция журнала «Вечера» // *Классицизм и модернизм.* Тарту, 1994.

МГУ им. М.В. Ломоносова